

людей обоего пола, всѣхъ народовъ и состояній, но ни одного старца не было видно въ сихъ толпахъ: вездѣ были *дети*.

Приближаюсь, всматриваюсь;—и какое удивление меня поразило, когда я увидѣлъ, что всѣ тѣ, которые мнѣ казались издали младенцами,—были ими только по тѣлесной немощи и по своимъ занятіямъ; лицо измѣняло имъ: почти у всѣхъ оно было изрыто морщинами; впады, сузившіеся глаза, беззубый ротъ, трясущіяся колѣна и другія принадлежности глубокой старости спорили съ младенческимъ ростомъ и ребяческимъ выраженіемъ. Нельзя описать, какое сильное отвращеніе производилъ видъ сихъ *старцевъ-младенцевъ*! Я содрогнулся, хотѣлъ бѣжать, но невидимая рука остановила меня и невидимый голосъ говорилъ мнѣ: „Наблюдай. Здѣсь видишь ты свѣтъ и людей, живущихъ въ немъ, въ истинномъ ихъ видѣ. Тотъ свѣтъ, въ которомъ ты обитаешь, есть мечтательный, всѣ дѣйствія, здѣсь происходящія, кажутся тамъ совсѣмъ иными.“

Я послушалъ и, скрѣпя сердце, продолжалъ продираться сквозь толпу младенцевъ. О! сколько тутъ знакомыхъ моихъ я увидѣлъ, и какъ странно были ихъ занятія. Многие изъ младенцевъ подходили другъ къ другу; одинъ изъ нихъ съ величайшей важною вынималъ мишурный мячикъ и кидалъ къ своему товарищу, товарищъ съ такой же важною отвѣчалъ ему тѣмъ же мячикомъ; перекинувши еще нѣсколько разъ такимъ образомъ, младенцы, не теряя своей важности, расходились!

„Что это за игра такая?“ спросилъ я.—„Она называется, отвѣчалъ мнѣ невидимый голосъ: *святскими разговорами*. Эта игра весьма скучна, какъ ты видишь, но любимая игра у младенцевъ. Есть многие изъ нихъ, которые до самой смерти безпрестанно занимаются ею и ничѣмъ болѣе.“

Къ дереву, возлѣ котораго я стоялъ, была прислонена товенькая жердочка; многие изъ младенцевъ старались взобраться по ней на дерево; чего ни дѣлали они для достиженія своей цѣли! и низко сгибали спину, и ползали, и то хватились за младенцевъ, окружавшихъ дерево, то отталкивали ихъ; странно было то только, что, когда кто поднимался нѣсколько выше другого по жердочкѣ, то младенцы старались того назадъ отдергивать и между тѣмъ рукоплескали и кланялись ему, упавшаго же гнали и били немилосердно. Я замѣтилъ, что предметъ, привлекавшій болѣе всего младенцевъ къ этому дереву, были прекрасные плоды, на немъ висѣвшіе. Младенцы съ низу не замѣчали, что эти плоды были прекрасны только издали, но въ самомъ дѣлѣ были гнилы. „И это—игра, сказали мнѣ голосъ; она называется *почестями безъ заслуги*.“

Весьма жалко мнѣ было смотрѣть на нѣкоторыхъ *юношей*, которыхъ *старики-младенцы* приводили къ дереву и, показывая имъ плоды, на немъ росшіе, съ важною говорили, что эти плоды чрезвычайно вкусны и должны быть цѣлью жизни человѣческой,—что единственное средство для достиженія оной есть искусное перекидываніе мишурнаго мячика. Тщетно злополучные *юноши* обращали взоры къ чему-то высшему, непонятному для *стариковъ-младенцевъ*; упрямые старики, не давая имъ отдыха, заставляли перекидывать мячикъ.

„Не жалѣй! сказали мнѣ голосъ: это также игра, называемая *святскими воспитаніемъ*. *Старики-младенцы*, правда, соблазняютъ мно-

гихъ *юношей*, но не останавливаютъ истинно презирающихъ эту ничтожную игру. Посмотри сюда, и ты увидишь подтвержденіе словъ моихъ.“

Я обратился и увидѣлъ... О! какъ мнѣ выразить словами то, что увидѣлъ я?—Небеснымъ огнемъ пламенѣли ихъ очи, ихъ не туманило ничтожное земное; душевная дѣятельность пылала во всѣхъ чертахъ, во всѣхъ движеніяхъ; они презирали шумный, суетный крикъ младенцевъ,—ихъ взоры быстро стремились къ *возвышенному*.

„Кто сіи невѣдомые?“ воскликнулъ я отъ избытка сердца.

„Эго *безсмертные*!“—отвѣчалъ голосъ.—„Старики-младенцы не замѣчаютъ, что симъ безсмертнымъ юношамъ они обязаны почти существованіемъ, что сіи юноши, стремясь къ возвышенной цѣли своей, *мимоходомъ*, съ отеческой нѣжностью разливаютъ на нихъ дары свои; неблагодарные не понимаютъ ни дѣйствія, ни цѣли безсмертныхъ; одни смѣются надъ ними, другіе презираютъ, иные не обращаютъ вниманія, большая часть даже не знаетъ о существованіи сихъ юношей. Но вращаются вѣки, быстрые круговороты времени поглощаютъ въ безднѣ забвенія ничтожную толпу *стариковъ-младенцевъ*, и живутъ *безсмертные*—живутъ, и нѣтъ предѣла ихъ возвышенной жизни.“

Кружокъ стариковъ-младенцевъ привлекалъ мое вниманіе. Всѣ, составившіе оный, сидѣли наморщивъ брови и съ важною тщательно складывали песчинку къ песчинкѣ; имъ хотѣлось такимъ образомъ соорудить зданіе, подобно храму Геміеи. „У васъ нѣтъ *основанія*,—сказалъ, улыбаясь, одинъ изъ безсмертныхъ юношей;—у васъ нѣтъ даже *связи*, которая бы могла соединить ваши песчинки.“

Младенцы презрительно посмотрѣли на юношу—и спѣсиво указали ему на десять кое-какъ сложенныхъ песчинокъ, какъ бы говоря: вотъ гдѣ истинная мудрость!

„Тщетно!—сказалъ мнѣ голосъ:—отъ этой игры ихъ не отучишь; она называется *опытными знаніями*.“

Возлѣ сего кружка нѣсколько стариковъ-младенцевъ, еще болѣе угрюмыхъ, размѣривали землю для построенія того же зданія; но никакъ у нихъ дѣло не ладилось; только что безпрестанно ссорились и бранились!—и не мудрено! у всѣхъ были разномѣрные аршины.

„Мѣряйте однимъ и тѣмъ же аршиномъ!“ сказалъ безсмертный юноша.—„Мой лучше! Мой лучше!“ закричали они всѣ вмѣстѣ.

„Эти старики-младенцы думаютъ,—сказалъ голосъ, что они нѣсколькими степенями выше младенцевъ, складывающихъ песчинки; но въ самомъ дѣлѣ также *въ игрушки играютъ*, лишь съ той разницей, что эта игра имѣетъ другое названіе, она называется *обфранцузенными теоріями*.“

Возлѣ меня нѣсколько стариковъ-младенцевъ играли въ игру весьма странную; одинъ изъ нихъ завязывалъ себѣ глаза, приходилъ въ мѣсто совершенно ему незнакомое, и приказывалъ нѣкоторымъ юношамъ идти по дорогѣ, которую онъ, не видя, имъ указывалъ. Бѣдные юноши спотыкались безпрестанно, сѣдѣя въ точности руководству его; но упрямый старикъ увѣрялъ, что юноши спотыкаются отъ несовершеннаго исполненія его наставленій, и ежеминутно твердилъ о своей *опытности*.

„Эта игра въ большемъ употребленіи у *стариковъ-младенцевъ*,—сказалъ мнѣ голосъ;—она